

K 84
K 78

ВЛАДИСЛАВ КРАПИВИН

ВЫСТРЕЛ С МОНИТОРА

516397

СОВД и Ю
Отдел хранения

— ПЛОТОВИКА —

K89
K78

Владислав Крапивин

ВЫСТРЕЛ С МОНИТОРА

Повесть

516397

Рисунки Евгении Стерлиговой

Москва
Издательский Дом Мещерякова
2014

Областная библиотека
для детей и юношества
г.Екатеринбург

УДК 821.161.1-053.2

ББК 84(2Рос=Рус)6

К77

Крапивин В. П.

К77 Выстрел с монитора : повесть / Владислав Крапивин ; рис. Евгении Стерлиговой. — Москва : Издательский Дом Мещерякова, 2014. — 160 с. : ил. — (БИСС).

ISBN 978-5-91045-625-3

Рядом с нами живут дети, способные исцелять чужую боль, управлять временем и пространством, дети — предтечи удивительного будущего, когда человек сможет всё, а мир избавится от ненависти, раздоров, боли и одиночества. Однажды каждый из этих детей в поисках своего места отправляется в путешествие по мирам Великого Кристалла. Эти миры граничат с нашим, и при всей внешней несхожести они похожи на него в главном: добро там борется со злом, а люди стремятся к счастью.

Повесть «Выстрел с монитора» открывает знаменитый фантастический цикл о Великом Кристалле. В нашей книге она публикуется с цветными иллюстрациями Евгении Стерлиговой, опубликованными только раз, ровно 25 лет назад.

УДК 821.161.1-053.2

ББК 84(2Рос=Рус)6

© Крапивин В. П., текст, 1988

© Стерлигова Е. И., иллюстрации, 1988

© ЗАО «Издательский Дом Мещерякова», 2014

ISBN 978-5-91045-625-3

Обсерватория «Сфера».
Плановое донесение спецгруппы «Кристалл-2»,
№ 142-д

В течение последних трёх суток наблюдалось локальное возмущение межузловых четырёхмерных полей. В пространстве «Бэта» (максимально приближённая гипотетическая грань) имел место кольцевой ретросдвиг с суточным радиусом. На границе сдвига зафиксировано перемещение малой (ок. 1,7 г) металлической массы — предположительно с характеристикой типа «прокол». Данное явление могло быть как причиной, так и следствием возникновения Т-кольца. Могло быть также и случайным явлением, не имеющим связи с ретросдвигом. (Особое мнение мл. науч. сотр. М. Скицына: «Последнее исключается. Связь несомненна».)

Далее (в пределах амплитуды) отмечено эхо поля VITA, совпадающее с теоретическими расчётами М.А. Мохова. Тем не менее группа не считает этот факт достаточным, чтобы рассматривать эхо как резонанс явлений типа «переход», или «бросок» (по М. А. Мохову — «Мёбиус-вектор»).

Примечание: мл. науч. сотр. М. Скицын считает, что эхо есть именно резонанс «Мёбиус-вектора».

Что касается понятий, предложенных нам Центром под шифрами «Дорога», «Окно» и «Командор», группа считает, что данные абстрактно-философские категории программи-

рованию и анализу не подлежат и к теме «Кристалл-2» отношения не имеют. (Особое мнение мл. науч. сотр. М. Скицына: «Имеют».)

* * *

...Сюжеты о Командоре — продукт студенческого (в основном стройотрядовского) фольклора периода активной реставрации исторических памятников и увлечения модными, хотя и псевдонаучными идеями о многомерности миров и явлений. Заметного влияния на молодёжное самодеятельное творчество не имели.

(Из реферата доцента Т-ского пединститута У. О. Валуевой, изданного на правах рукописи)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ Изгнанники

Пароход «Кобург»

1

Пристань Лисьи Норы построена у низкого травянистого берега, недалеко от посёлка с тем же названием. Посёлок большой. Можно сказать, городок. Но «метеоры» и «кометы» минуют Лисьи Норы, не сбавляя хода. И когда кто-нибудь хочет попасть на такое быстрое судно, он должен ехать на пристань Столбы. Отсюда на теплоходе с подводными крыльями можно за четыре часа добраться до самого устья. Но это если повезёт с билетом... В разгар лета, когда в здешних краях полно рыбаков, туристов и прочего отдыхающего народа, купить билет на скоростное судно не так-то легко. Поэтому три колёсных пароходика местной линии тоже не остаются без работы.

Здесь жители называют их «смолокурами» (потому что пароходики давно уже работают не на угле, а на мазуте). «Смолокурам» не меньше чем по полсотни лет. Но они ещё бодро шлёпают гребными досками и громко, хотя и сипловато, гудят у сельских пристаней. Уж они-то, в отличие от «комет» и «метеоров», не пропускают ни одного деревенского дебаркадера. С дебаркадеров спешат на пароход неразговорчивые бабки с гогочущими гусями в корзинах, гладко выбритые районные уполномоченные, которых командировали в глубинку, а иногда и местные мальчишки — они не прочь зайцами прокатиться до соседней деревни.

В «смолокурах» не чувствуется смущения перед современными судами. В их неторопливости — солидность пожилых работников, занятых не очень заметным, но необходимым делом. И может быть, даже усмешка по поводу нынешней суетливой жизни.

От Лисьих Нор до устья «смолокур» добирается через двое суток. Если северо-западный ветер гонит с залива крутую мутно-жёлтую волну, пароход швартуется в Лесном Заводе, у деревянного пирса под защитой Мохнатого мыса. А когда в заливе тихо, он шлёпает до самого Кобурга, к большой радости туристов, которым не терпится осмотреть развалины здешней крепости.

Развалинами крепость сделалась в последнюю войну. А в начале позапрошлого века её целёхонькую — после неустойчивой двухнедельной осады — вежливо сдал генералу Кобургу не то шведский, не то прусский гарнизон. Мало знаменитый и не избалованный победами генерал-майор был так упоён свалившейся на него удачей, что присвоил крепости и городку своё имя. Сенат и Морская коллегия посмотрели на это мелкое самоуправство сквозь пальцы, и потому имя сохранилось до наших дней. И не только сохранилось, но дало название одному из «смолокуров» (два других называются «Декабрист» и «Кулибин»).

Второго августа после полудня «Кобург» подошёл к Лисьим Норам и полтора часа попыхивал у дебаркадера, поджи-

дая пассажиров. На сей раз их оказалось немного. Устроилась на кормовой палубе компания стройотрядовских ребят. Потом поднялся по сходням высокий пассажир в серовато-белой парусиновой куртке.

Пассажир был высок, прям, но еле заметно прихрамывал. Он словно хотел иногда опереться на трость, но вспоминал, что её нет, и выпрямлялся ещё больше, неловко дёргая правой рукой. В левой он держал клеёнчатый чемодан. Лицо у пассажира было длинное, в резких складках, с мясистым носом, который нависал над впалым прямым ртом. Гладкие волосы, почти сплошь седые, разделял несовершенный пробор. Брови, тоже с серединой, торчали мелкими клочками. Из-под этих бровей пассажир быстро, но цепко оглядел небритого пассажирского помощника с полинялой синей повязкой на рукаве, когда тот спросил билет.

— В третью каюту, — буркнул помощник, но потом почему-то подтянулся, кашлянул и добавил: — Пожалуйста...

В полутёмном коридоре, куда выходили двери шести кают, стоял особый, «пароходный» запах: старой масляной краски, тёплого железа, машинной смазки, речной воды и близкого буфета. Пассажир поморщился и чемоданом двинул внутрь приоткрытую дверь.

Кабюта оказалась узкой, с двумя деревянными койками — одна над другой. Напротив коек был привинчен к стене белый крашенный стол, рядом стояло старомодное кресло с вытертым красным плюшем, у окна — конторский стул. У двери светился белым фаянсом умывальник со старинным медным краном. Из крана капало.

— Милая эпоха Сэмюэля Клеменса, — глуховато сказал пассажир — он был, видимо, доволен тем, что оказался

в каюте один. Поставил чемодан под стол, медленно сел в кресло и прислонился затылком к плюшевой спинке. Прикрыл глаза.

Пока человек так сидит, скажем о нём ещё несколько слов. Договоримся называть его просто Пассажиром. Во время бесед с мальчиком они таки не узнали имён друг друга. То ли мешало какое-то смущение, то ли, наоборот, возникло внутреннее согласие, при котором ясно, о чём спрашивать можно, а о чём не надо...

Итак — Пассажир. Можно было бы назвать его и Стариком, но это не совсем точно. Был он очень пожилой, но полным стариком не казался даже мальчику.

2

Мальчик появился на пристани перед самым отчаливанием «Кобурга». Невысокий, в синей круглой кепчонке с большим козырьком и белой надписью: «Речфлот», с такой же синей спортивной сумкой на ремне с кольцами. Ремень был длинный, сумка сердито швыркала по пыльно-загорелой ноге, когда мальчик шёл от кассового домика к дебаркадеру по тропинке среди подорожников и луговой кашки.

Он шёл независимо.

Кепка на нём была надета козырьком назад. Из-под неё на затылок и виски спускались тёмные сосульки давно не стриженных волос.

В трёх шагах позади мальчика так же независимо и молчаливо шла старая женщина. Сухая, рослая, в беретике.

Тропинка привела к мутной луже посреди травы. Это была, видимо, постоянная лужа, через неё перекинули сходню — две доски с поперечными брусками. Мальчик решительно ступил на доски, они хлопнули, вода выплеснулась из щели и забрызгала кеды. Бесцветно-ровным голосом, но отчётливо женщина сказала:

— Промочишь обувь и носки, а запасных у тебя нет.

Худые лопатки мальчика шевельнулись под выцветшей, в бело-розовую клетку, рубашкой. Это неуловимое движение стоило нескольких фраз: «Зачем говорить чепуху — какие-то несколько капель. И вообще, я как-нибудь сам о себе позабочусь. И я же понимаю, что дело не в брызгах, а просто вам надо что-то сказать, потому что идти вот так и молчать вам тошно. Но уж если кто-то виноват в этом, то никак не я...»

Перешли лужу, и спутница мальчика заговорила опять:

— Всё-таки я не понимаю, почему ты не взял чемодан с вещами?..

Не обернувшись, но оч-чень вежливо мальчик сказал:

— Ведь я же объяснил, Анна Яковлевна: я оставил чемодан в залог за испорченные часы.

— В конце концов, это просто нелепо... Ты ставишь меня перед своими родителями в двусмысленное положение.

Мальчик опять шевельнул спиной...

Пассажир открыл глаза, когда мальчик и его спутница вошли. Он был, без сомнения, джентльмен и, увидев женщину, хотел было встать. Но поморщился и остался в кресле.

— Извините, — сказала Анна Яковлевна, — мы вас побеспокоили. Судя по билету, здесь место мальчика... Я понимаю, вам, наверно, приятнее путешествовать одному, но что поделаешь...

Пассажир всё-таки поднялся. Прямой, седая голова под самый плафон.

— Ничего... — Он даже улыбнулся. Он, видимо, сперва решил, что в каюте поселится эта пожилая дама, и теперь был доволен: мальчик — более удобный сосед. — Я думаю, мы поладим.

Анна Яковлевна посмотрела на мальчика:

— Я уверена: ты будешь вести себя так, чтобы не стеснять взрослого человека.

— Я тоже в этом совершенно уверен...

Мальчик аккуратно устроил кепку на вешалке у двери и поставил на стул сумку. Она, полупустая, мягко осела.

Анна Яковлевна сухо сказала:

— Папе я вечером позвоню.

Мальчик наклонил и опять поднял голову, поправил на стуле сумку.

Анна Яковлевна проговорила:

— Я думаю, у тебя нет оснований на меня обижаться.

— Ни в малейшей степени, — сказал мальчик сумке.

Анна Яковлевна коротко вздохнула:

— Что поделаешь, раз мы оба — люди принципов...

Пароход басовито гукнул два раза.

— Вы можете опоздать на берег, Анна Яковлевна.

— Прощай.

Он аккуратно кивнул опять и, когда она ушла, вдруг обмяк, неуловимо повеселел. Теперь стало заметно, что лицо у него не твёрдое, не упрямое, а живое и готовое к улыбке.

Это был мальчишка лет одиннадцати, узкоплечий, но круглолицый, толстые губы, нос сапожком, глаза цвета густого чая. В глазах этих ещё держалась недавняя напряжённость и досада, но на Пассажира мальчик глянул без хмурости, с нерешительным любопытством: что вы за человек? Правда поладим?

История с аквапланом

1

Тяжело ворочая колёсами, пароход стал отодвигаться от пристани. Толчки поршней и вибрация вала передались ногам сквозь каютную палубу. Мальчик переступил, будто от щекотки. Он держался за спинку стула и смотрел в окно.

Пассажир опять опустил в кресло, достал из внутреннего кармана свёрнутый цветной журнал...

Шаткая дверь от вибрации отошла. Из коридора снова дохнуло разными запахами и больше всего буфетом.

— Можно я открою окно? — тихо сказал мальчик.

Пассажир зашевелился:

— Сделай одолжение. Я сам хотел попросить... — Голос у него был низкий, с прикашливанием.

Квадратное окно совсем не походило на морской иллюминатор. С верхнего карниза свешивалась куца занавеска в цветочках. Стекло в деревянной раме дребезжало.

В полуметре от пола под окном тянулась белая труба, видимо отопление. Мальчик встал на трубу, откинул на раме боковые крючки, потянул вниз брезентовую петлю. Перекошенная рама сперва сопротивлялась, потом со стуком опустилась в пазах. Мальчик виновато ойкнул.

Он упёрся коленями в узкую подоконную доску, грудью лёг на край опущенной рамы и по плечи высунулся из окна.

Увешанный спасательными кругами дебаркадер уходил назад. Берег отодвигался. День был тёплый, но почти без солнца. Лишь изредка жёлтые проблески вылетали из-за мягких серых облаков. Сварливо перекликались чайки.

Мальчик медленно вздохнул — то ли от каких-то переживаний, то ли просто от речного воздуха. Вздохать было неудобно: рама давила на рёбра. Стоять было тоже неловко: острый край подоконной доски резал колени. Но мальчик стоял долго. Влажный воздух шевелил у него волосы, входил через плечи в каюту, качал занавеску, и она щекотала мальчику шею.

Берег сделался выше, и пристань исчезла за мысом.

Пассажир вдруг сказал:

— Голубчик, если не трудно, подвинься немного в сторону. Читать будет посветлее.

Мальчик торопливо сдвинулся в окне, прижался плечом к его краю. Так он стоял ещё минуту, затем прыгнул с трубы, потёр колени, подумал и шагнул к стулу. Достал из сумки растрёпанную пухлую книжку.

Пассажир укрывался за развёрнутым номером «Огонька». С обложки улыбалась девица в оранжевой каске строителя. Мальчик полувопросительно сказал девице:

— Моя койка, наверно, верхняя...

— М-м?.. Если не возражаешь, — отозвался Пассажир и опустил журнал. — Мне с моими суставами карабкаться как-то не с руки... Вернее, не с ноги.

Мальчик никак не отозвался на шутку. Присел и стал расшнуровывать кеды.

— Но с другой стороны... — Пассажир, кажется, забеспокоился. — Ты не свалишься оттуда?

Мальчик сердито распутывал на шнурке узел.

— Я и в вагоне-то не падал никогда, а там полки в два раза уже...

Он задвинул кеды под стул и по привинченным к стойке ступенькам забрался наверх. Койка была застелена шерстяным одеялом, в изголовье лежала твёрдая подушка в синеватой казённой наволочке. Мальчик повозился на одеяле, постукал подушку ребром ладони и притих с книгой.

В каюте стало тихо, только Пассажир изредка шелестел журналом. Под палубой ровно вздыхала машина, за окном бурлила под колёсами вода, с кормы доносились голоса и негромкий перезвон струн.

Потом занесло в окно комаров — их в этот пасмурный тёплый день было много над берегами и водой. Комары тонко запели. Но Пассажир не обратил на них внимания. И лишь когда отошла опять и заскрипела дверь, он отложил журнал. Медленно встал.

Верхняя койка оказалась у Пассажира на уровне груди. Он взглянул на мальчика. Мальчик не читал. Раскрытая книга съехала к самому краю койки, а мальчик спал. Воздух из окна шевелил его ресницы. Нижняя губа смешно и сердито оттопырилась, к ней прилипло семя одуванчика, влетевшее вместе с комарами.

Пассажир осторожно шагнул к двери, запер её, скрипучую, на щеколду и вернулся к мальчику. Тот повозился, захлопнул губами и слизнул семечко. Подтянул и обнял коленки (на них всё ещё краснели рубчики от подоконной доски). На мятых шортах оттопыривался карман, из него тополиным листиком выглянул угол новой трёхрублёвки. Пассажир мизинцем вдвинул твёрдую бумажку в карман, прогнал с мальчишкиной ноги двух комаров и оглянулся на окно: не поднять ли раму? Но передумал, снял свою парусиновую куртку и укрыл мальчика от пяток до плеч.

Потом взял книгу. Это было старое, тридцатых годов, издание романа Гюго «Человек, который смеётся».

Пассажира полистал, постоял, словно что-то вспоминая. Закрыв книгу и положив поближе к мальчику. Затем он, морщась и постанывая, лёг на нижнюю койку. Навзничь. И кажется, заснул.

2

Сколько прошло времени, трудно сказать. «Кобург» успел приткнуться к пристани Косари, постоять полчаса и двинуться дальше. Пассажир или проспал это событие, или не обратил на него внимания. Когда он открыл глаза, всё так же плескалась вода и поскрипывали на проволоке кольца занавески. На потолке змеились длинные живые блики: значит, облака поредели. Блики были неяркие, жёлтые, — видимо, вечерело.

С верхней полки спустилась и закачалась нога в полинялом голубом носке. На пятке была дырка размером с копейку, а к середине ступни прилип расплющенный высохший паук.

— Выспался? — спросил у ноги Пассажир.

Нога исчезла, с края свесилась голова с тёмными нестриженными прядями.

— Ага... Это вы меня укрыли?

— Естественно... Комары зудят, вот и укрыл.

Мальчик почему-то вздохнул:

— Меня комары не трогают... Хотя если сплю, то, наверно, могут... — Он опустил куртку. — Спасибо.

— Если не трудно, повесь у двери.

— Ага... Спасибо, — снова сказал мальчик и прыгнул вниз.

Вернувшись от вешалки, он боком устроился в кресле, перекинул ноги через подлокотник. Поболтал ими.

— Можно посмотреть журнал?

— Да ради бога...

Мальчик полистал «Огонёк», но почти сразу отложил. Поскучнел и стал смотреть в окно.

— Неприятности? — вдруг тихо сказал Пассажир.

Мальчик не удивился. И не оглянулся. Так же тихо спросил:

— Почему вы решили?

Пассажир не то усмехнулся, не то вздохнул. Объяснил:

— Я такую примету знаю с детства: если паука раздавишь, обязательно что-то нехорошее случится. А у тебя паук на носке.

Мальчик быстро подтянул ногу и с минуту сидел в позе известной древнеримской скульптуры. Называется «Мальчик, вытаскивающий занозу». Разглядывал ступню. Взял останки паука за лапку, отнёс к окну, дунул.

— Нет, он ужедохлый был, когда я наступил... Это я в чулане верёвку искал... разутый, чтобы не топать зря... На живого зачем наступать?

— Но если случайно...

— И случайно не наступлю. Потому что чувствую.

Мальчик вернулся в кресло, забрался с ногами. Встретился с Пассажем взглядом и поморщился. Взялся за нижнюю губу.

— У тебя что-то болит?

— Не... По-моему, это у вас болит, — нерешительно сказал мальчик. — Только не пойму, что. Будто везде...

— А! Ты угадал... — Длинное тело Пассажа болезненно шевельнулось. — Эта штука называется остеохондроз. Не слышал?

Мальчик свёл брови и качнул головой.

— Между позвонками нарастают хрящи и зажимают нервы. И боль отдаёт в самые неожиданные места, от пяток до мозжечка... Потому как старость, дорогой мой...

Всё так же, со сведёнными бровями и держась за губу, мальчик проговорил:

— Если позвоночник, то главная боль в спине... Да?

— Ох... пожалуй...

— Тогда... я, наверно, могу...

— Что? — Пассажир приподнял голову. — Что ты можешь, дружок?

— Ну... полечить, если вы хотите. Я немного умею...

— Неужели?

— Ага... Я уже так делал. С одним человеком. И получалось... Только вам надо вверх спиной лечь.

— Гм, это задача... Впрочем, попробую... А что ты предлагаешь? Массаж? — Пассажир глянул на худые мальчишкины руки.

— Да не-е... — Мальчик спустил с кресла ноги. — Я не буду касаться. Или чуть-чуть. Вы не бойтесь...

Пассажир коротко, с прикашливанием засмеялся и стал переворачиваться на живот.

— Уверяю, что не боюсь. Хуже не будет...

Мальчик принёс к постели стул. Сел задом наперёд, грудью навалился на спинку. Втянул и закусил губу. Худая спина Пассажира закаменела под синей с белыми полосками рубашкой.

— Вы не напрягайтесь так, — осторожно попросил мальчик. — Не натягивайте... все жилки.

— Ох, ладно... — Спина обмякла, даже подтяжки ослабли.

Мальчик сощурился, протянул руки, ладонями провёл вдоль спины. Шёпотом сказал:

— Ой-ой...

— Что? — выдохнул в подушку пассажир.

— Сколько всего у вас... Ну, от которого боль...

— Да? Уже во всём разобрались, уважаемый доктор?

— А вы не дразнитесь, — строго сказал мальчик.

— Ох, извини, молчу.

— Не, молчать не надо. Лучше про что-нибудь разговаривайте. — Ладони мальчика то замирали, то плавали над синей рубашкой.

— Но я, право, не знаю... Видишь ли, я как-то не имею опыта бесед в... таких ситуациях.

— Значит, сильно болит? — Мальчик говорил с некоторым напряжением. Он грудью сильно налегал на спинку стула.

— Болит? М-м... пожалуй, меньше. Ты не беспокойся, я привык терпеть. В жизни всякое бывало...

— На войне?

— И на войне, и после...

— А вы кто? Ну, профессия у вас какая?

— Профессии были разные. Последняя — совсем не романтическая. Ревизор в системе «Фрудовоцторга»... Но это так, мимикрия.

— Что? — удивился мальчик.

— Маска для души... В душе человек далеко не всегда тот, кто он в жизни. Впрочем, тебя это ещё не должно волновать.

— Ну почему же? — уклончиво сказал мальчик. И другим голосом, оживлённей, спросил: — А вы до какой пристани плывёте?

— Сейчас, этим рейсом? До Якорного Поля.

— Даже и не слышал про такую... Это посёлок?

— Это заповедник. Там у меня... друг юности.

— А далеко это Поле?

— Ну... после Краснодольска.

— У-у... Я раньше сойду, в Жуково. А оттуда — в Черемховск.

— И к кому же ты туда направляешься?

— Домой.

— А та... дама, которая тебя провожала? Родственница?

— Не-е... Знакомая отца. Вернее, его мамы, бабушки моей.

— Понятно...

Мальчик, двигая ладонями, вздохнул:

— Нет, вам, наверно, непонятно, почему мы так с ней расстались.

— Признаться, да... Но любопытствовать не смею. Чужие секреты...

— Да никакие не секреты. Просто у меня лопнуло терпение... Я у неё жил две недели, меня папа туда устроил. Ну, вроде как погостить и заодно немецким позаниматься. У меня с ним никак не ладится. В этом году в шестом классе экзамены по иностранному языку сделали, дак я еле выплыл...

— О... ты, значит, шестой класс закончил? Солидно.

— Ага. Я только ростом не очень, а вообще мне уже скоро тринадцать.

— Как и ему...

— Кому?

— Что?.. Ох, это я так, отвлѣкся... Ну и как ты жил в Лисьих Норах?

— По-всякому жил. Анна Яковлевна эта... Ну, она со своим характером. Вся такая, будто из прошлого века. И с меня стала требовать, чтоб всегда поглаженный, причѣсанный... Вставать по часам, ложиться по часам. С десяти до одиннадцати, каждый день, зубрѣжка немецкая... И всегда «извините» и «пожалуйста»... И вилок не брякать... о старинные тарелки...

— Просто как Гек Финн и вдова Дуглас, — вздохнул Пассажир. — Помнишь?

— Ага... Ну, нет. Наверно, всё-таки не совсем так, я зря наговаривать не хочу. Она ведь, в общем-то, неплохая, наверно... С ней иногда интересно было, она про прежние времена много рассказывала... И по немецкому меня подтянула.

— А из-за чего же конфликт?

— Да так, накопилось... Сперва мне вовсе и не трудно было, я к её режиму быстро приспособился. Ну, не то чтобы по правде стал таким... совсем уж воспитанным, а просто сказал себе: «Терпи, так надо». Помните, вы про маску говорили?

— Да-да... Значит, ты принял правила игры?

— Ага! Вот именно, будто играть стал! И даже интересно сделалось... Да там и хорошего было много! Книг у неё полным-полно, журналов старых про путешествия... И я же не всё время с ней дома сидел. А Лисьи Норы — городок интересный, мы там с ребятами везде лазили, исследовали. И всякие игры устраивали.

— Любопытно. И какие же игры у... нынешнего поколения?

— Ну, например, мы акваплан сделали. Знаете?

— М-м...

— Большой кусок фанеры с верѣвкой. Он к моторке цепляется на буксир... У одного мальчишки есть старший брат, у него моторная лодка. Ну вот, на фанеру встанешь, за верѣвку держишься, будто за вожжи, и моторка тебя тащит. Быстро так, будто летишь над водой.

— Как на водных лыжах?

— Ага. Только это проще. Можно почти без тренировки, это даже у самых маленьких получалось... И здорово так!.. Ну вот, из-за этого акваплана я с ней и поругался.

— Не разрешала кататься?

— Да не в том дело. Я с её часами в воду булькнулся... У меня часов нету, она мне дала свои старые. Чтобы я к обеду в точности приходил. А я же их на руке носить не буду: дамские. Вот в кармане и таскал. И забыл выложить на берегу...

— Так ты что же, одетый на этом акваплане ездил?

— А чего такого? Только босиком... По ногам брызжет, а выше колена и не замочишься. Мы с отмени стартовали, туда же обратно приезжали. Кто научился, тот никогда не свалится...

— Однако же булькнулся.

— Потому что мотор заглох! Это первый раз случилось, никто даже не ожидал... Ну и ладно бы, самому-то высохнуть не долго. Да только часы остановились наглухо: вода в них попала. Ну и началось: «Ах, какой ужас! Ты не только часы испортил, но и сам мог утонуть». И ещё: «Аккуратный и собранный человек не позволит себе попадать в такие ситуации...» Я не удержался. «Знаете, — говорю, — как надоело быть аккуратным и собранным! Вы меня будто канарейку в клетке воспитываете...» Она, конечно: «Как ты можешь так говорить! Я за тебя волнуюсь...» — Мальчик посопел и сильно заскрипел стулом. — Ну, тут и я сказал: «Вы не за меня, а за часы волнуетесь. Вы не бойтесь, папа заплатит за ремонт...» Может, я зря такое брякнул, да назад не проглотишь... Она села, помолчала так выразительно и говорит: «Такого я, признаться, от тебя не ожидала... Ты, конечно, мальчишка, но и мальчишкам не всё позволено...» А потом: «Одно из двух: или ты немедленно и как следует извинишься, или мне остаётся проводить тебя на вокзал...» А чего я буду извиняться, если я правду сказал...

Пассажир с осторожным интересом спросил:

— А признайся, голубчик: ты уверен, что сказал ей правду?

— Ну... насчёт часов я, наверно, зря. А насчёт канарейки... Да и вообще... Так обидно сделалось. Как тут извиняться?..

Она губы поджала и давай звонить на вокзал, про расписание. А тот поезд, который нужен, уже ушёл. С автостанции сказали, что билетов на автобус нет. Тогда она на пристань позвонила, а тут этот «Кобург». Она говорит: «Я иду за билетом, а ты уложи чемодан и ступай за мной...» А я сумку только взял с книжкой, а чемодан не стал собирать. Пускай, назло ей, останется...

— А может, решил, что она ещё передумает?

— Вот уж нет... — Мальчик взялся за спинку стула и утомлённо откинулся назад. — Такие, как Анна Яковлевна, ничего не передумывают... А я тоже... А спина у вас, по-моему, уже не болит. Да?

— Что? — Пассажир приподнялся на локтях. — Не может быть... В самом деле... — Он осторожно пошевелил поясницей.

Мальчик улыбнулся и согнутым локтем провёл по лбу.

— Сейчас болеть не будет. По крайней мере, до утра... Я вас нарочно разговором отвлёл, чтобы легче было боль убрать.

— Ох, спасибо... Как же это у тебя получается?

— Получается... иногда. — Мальчик встал и серьёзно сказал: — Только потом всё тело гудит и есть ужасно хочется.

Мыс Город

В конце короткого коридора была буфетная дверь. За дверью оказались три липких столика (за ними никого не было) и прилавок с хмурой полной тёткой в кокетливой кружевной наколке.

Мальчик взял у буфетчицы две котлеты и стакан тёплого чая. Разменял хрустящую трёшку — свой дорожный запас. Буфетчица сказала, что рублей нет, и дала сдачу одинаковыми монетками по пятнадцать копеек.

Гарнир из варёных макарон отдавал тухлым, но котлеты всё же пахли котлетами, и мальчик сжевал их, помазав горчицей. Проглотил чай. К тарелке с хлебом нахально шёл крупный рыжий таракан. Мальчик повернул к нему, словно

зеркальце, прямую ладонь. Таракан попятился, встал на задние лапы, ощетинил усы, кинулся на край стола и спрыгнул.

— То-то же, — сказал мальчик. И ушёл на корму.

Здесь под косо подвешенной лодкой расположился небольшой студенческий табор. Кто-то спал, привалившись к рюкзаку, кто-то тихо разговаривал и смеялся. Похожий на цыгана парень сидел на стопке рыжих спасательных жилетов и трогал струны гитары. Мальчик встал у перил с проволочной сеткой, поразглядывал стройотрядовцев и стал смотреть на реку.

Небо совсем очистилось. Солнце уже пряталось за кромку леса на высоком берегу и лишь изредка стреляло красноватыми лучами из-за верхушек елей. Другой берег, низкий, луговой, был покрыт оранжевым светом. На нём хорошо были видны деревни с почерневшими рублеными избами и деревянными церквушками, которые ещё не разобрали и не свезли в заповедники.

Потом выплыло из-за поворота село. Уже не с одной, а с несколькими церквями. Главная была каменная, белая и ярко светилась под наклонными лучами. Золотисто-зелёный берег, жёлтый плёс, тёмные и светлые колокольни, купола, маковки...

— Ну прямо Углич, что на Волге, — сказал кто-то среди студентов.

— А и так почти Углич — Угóличи-Северские. Давний оплот здешних староверов. Даже цари ничего с ними не могли поделать...

— Этакая Русь рядом с Западом...

— История, чего ж тут...

Девушка в синей аэрофлотовской пилотке подняла от рюкзака голову и спросила гитариста:

— Миша, а ты песню про Углич помнишь?

Тот прихлопнул струны.

— Ту, что Димка Ярцев сочинил? А как же! Мы её и там... помнили. Правда, командиры косились: не в жилу, мол. Но всё равно...

— Эх, Димка, Димка... — сказали за грудой рюкзаков. — Главное, перед самым дембелем...

Гитарист переливчато перебрал струны, откинул волосы, посмотрел на Уголичи-Северские и запел... Голос у него оказался высокий, почти как у девушки.

Раскалил закат на небе угли
И с размаха на реку обрушил.
И глядится в воду древний Углич
С тёмно-красной церковью-игрушкой...

Парни и девушки начали подвигаться к певцу, окружили. Мальчик его уже не видел. Но голос звенел.

...А игра была — не на свирели,
У крыльца толпой бояре стали.
«Покажи, царевич, ожерелье...»
И по горлу — с маху — острой сталью...

Вот и всё. Легенда или сказка...
От заката взгляды поднимите:
Виден в небе храм в багровой краске —
Жил да был на свете мальчик Митя...

Мальчик вспрыгнул на планшир, ухватился за трубчатую стойку фонаря. За головами и спинами опять увидел гитариста. Тот наклонился над струнами, голос у него как бы потемнел.

Жил да был... Над Волгою затишье.
Не спеша звезда в закат упала...

И вдруг с плачущим, чисто цыганским вскриком, со взмахом отброшенных волос:

...А за что во все века мальчишек —
Топорами, пулями, напалмом?!

Мальчик вздрогнул и соскочил на палубу. И услышал уже из-за голов:

Тонкий крест стоит над облаками,
Высоко стоит над светом белым.
Словно сам Господь развёл руками,
Говоря: «А что я мог поделать?»

Тихо стало, и в плеске забортной воды, в бледнеющем оранжевом свете Уголичи-Северские медленно проплывали мимо «Кобурга», который к этой пристани почему-то не причаливал...

Мальчик постоял ещё на корме. Песен больше не было. Да и слушать другие после этой, про Углич, не хотелось. Он ушёл на середину парохода, сел на скамейку из крашенных реек, у стенки с каютными окнами. Здесь палуба была совсем узкая — от скамьи до бортового поручня не больше метра.

Прошёл пассажирский помощник. Мальчик подтянул ноги, поставил пятки на скамью. Помощник сказал равнодушно:

— Один, значит, едешь? Гляди не балуйся.

Мальчик обнял колени, ткнулся в них подбородком.

За высоким кожухом вертелось и расталкивало воду гребное колесо. Сквозь этот шум слышен был миролюбивый звон комаров. Вверху на мостике сказали:

— Иван, флаг сыми! Видишь, солнце ушло.

Оранжевый свет угас, небо стало зеленоватым. Мальчик знал, что потемнеет оно не скоро. Время белых ночей давно кончилось, но до осеннего равноденствия было ещё далеко, и над здешним речным и лесным краем подолгу стояли белёдые сумерки.

Появился на палубе Пассажир. Присел на край скамьи. Помолчал. Сказал неловко, но бодро:

— Да, голубчик, ты меня прямо воскресил.

— Вот и хорошо, — вздохнул мальчик. Не обернулся, смотрел, как наплывает высокий и почти чёрный мыс.

Это был крутой полукруглый холм. Лесистый, сумрачный. С обрывистым выступом над водой. Выступ напоминал забрало рыцарского, колючим гребешком украшенного шлема. Кромка «забрала» была без леса — ломаный гранитный край с редкими деревцами. От него до воды метров сто, наверно.

И вот эта махина двигалась на пароход. Видимо, фарватер проходил недалеко от обрыва. Там ярко горела красная капля бакена, отражалась дрожащей стрункой.

Пассажир спросил:

— Спать не собираешься?

— Рано ещё. Да и днём выспался.

— Это верно. Я тоже подремал... Всё как и должно быть.

— Что «должно быть»? — отозвался мальчик. Без особого, впрочем, любопытства.

— Это я так... Извини, я хочу спросить... Допускаю, что выгляжу назойливым, но всё-таки... Мне кажется, что тебя что-то беспокоит. Грызёт, как иногда выражаются... Не могу ли я помочь?

Мальчик не удивился. Сказал, всё так же глядя на мыс:

— Но меня ничего не грызёт... Думаете, будто я боюсь, что дома попадёт? Ничуть.

— Нет, я не про это... А может быть, тебе просто зябко? Возьми мою куртку.

— Не... мне тепло. Если надо, у меня безрукавка в сумке есть... Из козьей шерсти, домашняя вязка.

— А, это хорошо... Мама, наверно, вязала?

— Нет, не мама... Смотрите, там кто-то стоит!

Мыс придвинулся почти вплотную, обрыв нависал над пароходом. Кромка «рыцарского забрала» скрыла за собой лесистую вершину холма. Чёрный неровный край рисовался на светлом небе, над ним висела голубая несмелая звездочка.

А левее звёздочки виден был неподвижный силуэт. Маленькая, тонкая фигурка со склонённой головой и опущенными руками.

Конечно, ничего особенного в этом не было. Мало ли туристов на здешних берегах! Какой-нибудь пацанёнок улизнул из палатки и глядит с высоты на окрестности...

Но беспричинная тревога толкнула мальчика — так же как во время песни об Угличе. Он крепче охватил колени и прижался теменем к дрожащей стенке каютной рубки.

— Стоит... — с непонятной интонацией отозвался Пассажир. Он тоже смотрел, запрокинув лицо. — Стоит. Да...

Звёздочка прошла за плечами мальчишки на обрыве. Силуэт шевельнулся. В это время закрипели доски расшатанной палубы. С носа шла переваливаясь буфетчица. Пассажир подвинул ноги под скамью, а сам всё смотрел вверх. Буфетчица прошла, и от её передника пахнуло макаронным гарниром. Мальчик придержал дыхание. В эту секунду на досках звякнуло. Денежка! Светлое небо отразилось в белом кружочке. Пассажир быстро повернулся к мальчику. Тот сбросил со скамейки ноги, нагнулся.

Однако проворнее всех оказалась буфетчица. Неожиданно легко обернулась, присела, накрыла монетку ладонью.

— Это моя!

— Почему вы решили, что ваша? — с непонятной злостью сказал Пассажир.

— А чья ещё? — Буфетчица сжала находку в кулаке, встала. — Карман-то дырявый на фартуке, всю мелочь растрясла. Ох ты, пропади оно всё пропадом... — И пошла прочь походкой вороватой утки.

— Вот ведь с... сытая жадюга, — с болезненной досадой произнёс Пассажир.

Мальчик отвернулся. Всегда неловко, если в симпатичном человеке открывается неприятная черта. Пассажир, кажется, смутился. Закашлял.

— Наверно, она правда из кармана денежку выронила, — скованно сказал мальчик.

— Да нет. Это не её... — вздохнул Пассажир.

— Ваша?

— Да нет... — Он опять сумрачно вздохнул. — Скорее твоя...

— А! Может быть... — Мальчик встал, подёргал шорты, в кармане забрякало. — Я сегодня три рубля разменял, сплошь пятнадциками. Наверно, один выскочил. Ладно, не разорюсь!

— В буфете разменял? — поинтересовался Пассажир.

— Ага.

— А завтра туда пойдёшь?

— Не... Там противно. Как-нибудь дотерплю, утром моя пристань. А оттуда до дома полчаса на автобусе.

— Утром ты едва ли доберёшься, — ворчливо сказал Пассажир. — Машина еле дышит, я в этом деле понимаю... Боюсь, что ночью мы застрянем с ремонтом.

— Это плохо, — обеспокоенно сказал мальчик.

— Так что без буфета нам, голубчик, не обойтись.

— Но котлеты я больше есть не буду. От них до сих пор в желудке тошно. Лучше уж вафли с чаем.

— Это неважно, — тихо сказал Пассажир. — Главное, чтобы всё вернулось на круги своя...

— Что?! Пароход в Лисьи Норы вернётся?

— Да нет, это я о своём... Не обращай внимания.

Мальчик послушал, как работает машина. Не уловил в её ритме сбоев, решил, что опасения напрасны, и опять устроился с ногами на скамейке, посмотрел вверх.

Тёмная фигурка по-прежнему рисовалась на зеленоватом небе. Неподвижная... И вновь мальчик ощутил беспокойство. Словно тому, кто стоял на обрыве, что-то грозило.

Мыс уже отходил назад. Край обрыва менял очертания. Квадратный зубец сближался с силуэтом, грозя через полминуты закрыть его. Звёздочка была теперь далеко в стороне.

Мальчику хотелось, чтобы стоявший на кромке ушёл оттуда раньше, чем скала скроет его из виду. Но тот не шевелился.

— Стоит и стоит... — прошептал мальчик.

— Стоит, — неожиданно громко отозвался Пассажир. — Куда ж ему деваться...

— Почему «куда деваться»?

— Это же бронза. Скульптура.

— Да?! — удивлённо и с облегчением сказал мальчик.

— Многим кажется, что просто человек на обрыве...

— Мне даже показалось, что он шевелился. Будто рукой махнул... Перед тем как тут эта пошла, из буфета.

— Издалека да в сумерках что не почудится...

Тёмный выступ на обрыве наконец плавно закрыл скульптуру.

— А я-то думал... — сказал мальчик. — Будто мальчишка там.

— Ну, так и есть. Бронзовый мальчик, ростом с тебя.

— Значит, там парк? Или пионерский лагерь?

— Нет, место глухое. Но раньше был город...

— Как это... был? А куда девался?

— Обезлюдел понемногу, разрушился. Остатки война сровняла... А памятник вот сохранился.

— Памятник?

— Да, памятник мальчику. Жителю этого города... Кстати, место до сих пор так и называется — мыс Город. Только об этом не все знают... Ты ведь не знал, верно? — Вопрос прозвучал странно, с вкрадчивой интонацией.

— Я не знал, — насупился мальчик. — Я первый раз тут плыву. В Лисьи Норы я на поезде ехал... И вообще мы в этих краях недавно, а раньше в Тюмени жили...

— Про город на мысу и местные-то жители почти не помнят.

— Значит, он древний?

— Отнюдь...

— Тогда почему не помнят?

— Слишком заняты собственными делами.

— А этот памятник... то есть мальчик, он кто? Герой?

— Герой? Возможно... в какие-то моменты. Чтобы судить об этом, надо знать его историю.

— А вы знаете?

— Мне ли не знать, — сухо отозвался Пассажир.

И наступило молчание. У Пассажира — непонятное, у мальчика — слегка обиженное. Мальчику казалось, что он имеет право услышать подробности. Но расспрашивать он не стал. Пассажир наконец сказал:

— У ревизоров «Флодoвoцтoргa» тoжe бывaют стрaннoсти... Я дoлгo сoбирaл в этиx мeстax рaзные истoрии. И пoдлинные слyчaи, и лeгeнды... И oднa из них кaк рaз oб этoм гoрoдe.

— Лeгeндa?

— Истoрия, гoлyбчик... Пoдлинная, хoтя и мaлoизвeстнaя... Я пo кaнцeляpскoй пpивычкe всe, чтo узнaвaл, зaписывaл в тeтpaдкy. Нaписaл и пpо этoт гoрoд... Упaси гoспoди, я никoгдa нe мeтил в литepaтoры, писaл для сeбя, пpосто чтoбы нe зaбыть... Нo... — В гoлoсe Пaссaжирa скoльзнулa нeoжидaннaя сaмoувeрeннo-рeбьячливая нoткa. — Нa сeй рaз пoлучилoсь, пo-мoeмy, чтo-тo вpoдe пoвeсти. Вoзмoжнo, нe хужe дpyгих...

— А oн чтo, пoгиб? Тoт, ктo нa пaмятникe...

— Н-нeт... Пoчeму ты рeшил?

Мaльчик вздoхнул:

— Я нe рeшил. Пpосто я нe люблy истoрий с плoхим кoнцoм.

Пaссaжир, кaжeтся, улыбнулcя в сумpакe:

— А ты дyмaeшь, я сoбрaлся тeбe рaскaзывать?

Тoгдa улыбнулcя и мaльчик:

— Мнe тaк пoкaзaлoсь.

— Видишь ли... Я твoй дoлжник. Ты мeня oт хвoри спaс. А тeпeрь вoт сидишь и, кaжeтся, скyчaeшь. И я пoдyмaл, чтo eсли смoгу рaзвлeчь тeбя... Eсли, кoнeчнo, тeбe любoпытнo...

— Ага, — сказал мальчик.

— Только пойдём в каюту, дружок. Зябко здесь всё-таки, а история не короткая...

Мальчишки в старом городе

1

В каюте над столом была укреплена лампочка под жёлтым шёлковым колпаком. Она уютно засветилась. Пассажир достал из чемодана клеёнчатую тетрадь с разлохмаченными уголками. Надел круглые очки в тонкой серебристой оправе. Сел в кресло.

— А ты забирайся на мой насест...

— Я лучше так. — Мальчик опять сел верхом на стул. Это была привычка, от которой не отучила его даже Анна Яковлевна.

Пассажир полистал тетрадь, посмотрел на мальчика из-за очков. Покашлял. При жёлтом свете морщины его казались резкими, как шрамы. Водянисто-серые глаза стали очень тёмными. Тень от носа легла на рот и подбородок — будто прижатый к губам толстый палец.

Мальчик с вежливым нетерпением поворочался на стуле.

Пассажир отложил тетрадь.

— Наверно, лучше так... В начале у меня написано длинное вступление: история города с давних времён, быт, нравы и прочая, прочая... Боюсь, что это скучно. Лучше я начну без записок, полаконичнее... На диалекте коренных жителей город назывался тогда Реттерхальм — Рыцарский Шлем...

Он и правда был построен во времена рыцарей. Место подходящее. С той поры в городе осталось много всякой старины: красивые здания, церкви, два замка. Арки каменных мостов над расселинами и оврагами, которые пересекают склоны холма...

На обрыве, где сейчас памятник, стоял артиллерийский форт. Впрочем, о нём позднее... Улицы поднимались от под-

ножия холма к вершине. Порой это были даже не улицы, а широкие и узкие лестницы с площадками, тропинки среди садовых решёток и гранитных стен с колоннами и нишами. В нишах стояли чугунные фигуры древних святых и воинов, закованных в доспехи.

А главная улица охватывала холмы спиралью. Она несколькими витками шла от набережной со зданием магистрата до площади с Маячной башней. Башня была круглая, с громадным стеклянным шаром наверху. Внутри шара, чуть заходило солнце, вспыхивал фонарь. Впрочем, он служил скорее для украшения, чем для пользы, потому что большие суда по реке не ходили.

— Не ходили? Она же широкая...

— Да ведь и сейчас не ходят большие-то... В устье лежит песчаная отмель. Бар называется. Этот бар не пускает суда в реку. А без сообщения с морем у реки какая жизнь... Ты, наверно, обратил внимание, что на здешних берегах нет крупных городов. Не то что на других ближних реках...

— Но этот, Реттерхальм, он был всё-таки крупный?

— Вовсе нет. Около двух тысяч жителей. Даже по тем временам это совсем не много... Однако город был знаменит своим театром, библиотекой, древностями. Сюда любили приезжать поклонники искусства и старины... И сами обитатели Реттерхальма любили, конечно, свой город. В том числе и юные жители, школьники. Потому что трудно придумать более подходящее место для игр, чем старые переулки, заросшие дворы, таинственные подвалы под цитаделью и галереи в замковых дворах.

— А тот мальчик, он...

— И тот мальчик любил, разумеется. О нём сейчас и речь... Я постараюсь, чтобы ты представил его подробно. Когда ясно представляешь себе человека, легче его понять... Лет ему было без малого тринадцать. Лицо узкое, глаза светлые, волосы прямые и почти белые. Даже подстриженные, они падали на уши и на шею... В общем, типичный житель здешних северных мест. Обыкновенный реттерхальмский школьник в голландке и с шульташем...

— С чем?

— Так называлась школьная сумка из твёрдой кожи — шульташ. А голландка — это матросская блуза с галстучком. Тогда такие блузы носили мальчишки во всей Европе. Или короткие курточки с узкими рукавами и белыми откидными воротниками. И штаны с медными пуговками у колен, и высокие башмаки с крючками для шнурков, и кусачие шерстяные чулки, без которых даже в жаркие летние дни не пускали в реттерхальмскую школу... Так что, видишь, внешне Галька был совсем не такой, как ты...

— Кто?

— Ах да... Тебе его имя, наверно, покажется странным. Как у девочки... Но полное имя мальчика было Галиен. Галиен Тукк, сын Александра Тукка, заведующего костюмерными мастерскими городского театра. У Галиена, кстати, имелось двое старших братьев и младшая сестра... Итак, Галька — его мальчишечье имя. По-реттерхальмски звучало оно так же, как и по-русски. Между прочим, и мелкие, обточенные водой камешки назывались галькой, как у нас. Пожалуй, только мягче — халька...

Характер у Гальки был разный: то задумчивый, то весёлый. Потому что и в жизни было много разного. Хорошо было посидеть над толстой книжкой про рыцарей, драконов и фей, а хорошо и другое: прибежать из школы, кинуть под кровать громоздкий шульташ, сбросить осточертевшие башмаки и чулки, схватить деревянный меч и бежать босиком, в развевающейся голландке в замковый двор, где приятели затевали военные игры.

Галька не был ни отчаянным, ни задиристым. Но если нападали, не отступал. И если попадало деревянным клинком по костяшкам или камнем из рогатки, не ронял ни слезинки. Он мог заплакать по другой причине: от какой-нибудь обиды или от жалобной истории — одной из тех, которые иногда придумываются сами собой. Например, как после рыцарского подвига его, смертельно раненного, приносят в город и главный советник магистрата господин фон Биркенштакк произносит речь о герое, павшем во славу родного Реттерхальма...

А бывали слёзы от оценок по латыни, которые ставил господин Ламм — самый безжалостный наставник реттерхальмской мужской гимназии...

Однажды на исповеди Галька отчаянно сознался пастору Брюкку в своих слабостях и слезах. И ещё в том, что желает наставнику Ламму свалиться с моста над Восточным оврагом и сломать... ну нет, не шею — это чересчур. Но хотя бы вывихнуть ногу. Чтобы он недели две не ходил на уроки и не мучил школьников ненавистной латынью.

Пастор Брюкк произнёс краткую речь о красоте и пользе языка римлян и учёных, а также о терпении и любви к ближнему, но потом вздохнул и отпустил Гальке грехи, потому что сам был когда-то гимназистом...

Пассажир замолчал и глянул на мальчика: слушает ли?

— А в каких годах это всё было? — спросил мальчик.

— В каких годах... Ну, прикинь. В ту пору по улице, что спиралью опоясывала холм, пустили трамвай. А трамвай этот был одним из самых первых на всём свете, старше берлинского...

Кстати, глава магистрата фон Биркенштакк долго не соглашался на такое новшество. Но собрание выборных представителей настояло. Среди жителей Реттерхальма было много пожилых граждан, им надоело карабкаться по лестницам. Радовались трамваю и мальчишки, тем более что детям позволяли ездить бесплатно. У вагоновожатого Брукмана в первые дни только и было работы, что катать школьников. Конечно, город небольшой, но пока трамвай пять раз объедет холм — это целое путешествие.

Сейчас время сказать, что именно с трамваем связано начало нашей истории. Правда, случилось это не весной, когда трамвай только пустили, а в августе, в первые дни школьных занятий. Не удивляйся, это у вас ученье начинается с сентября, а тогда в школу шли первого августа. Конечно, такой обычай ребята проклинали. Лето на дворе, а ты жарься за партой! И после уроков они старались наверстать упущенное. Тем более что август в том году стоял жаркий... И вот